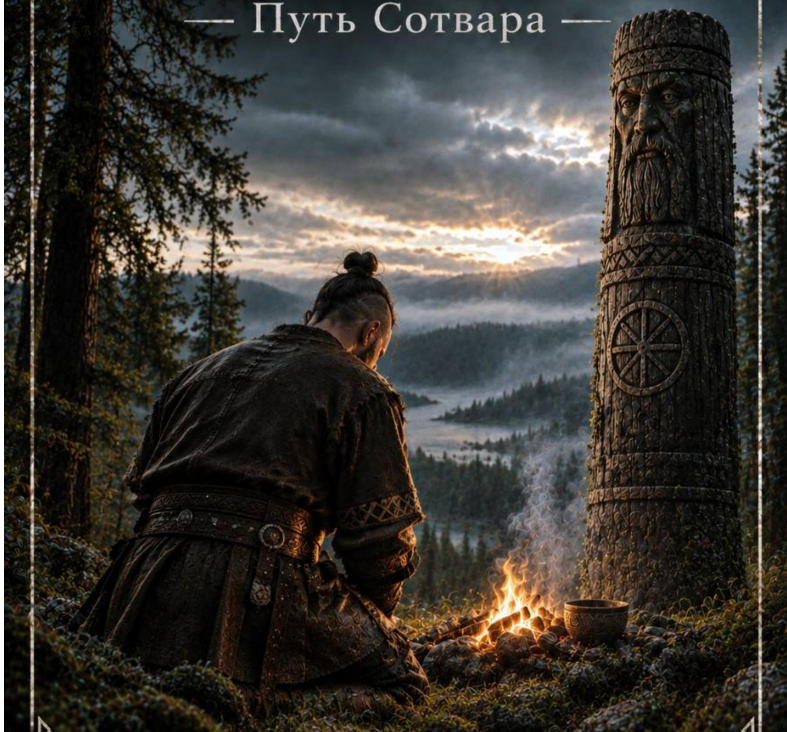

паль городенский

ИГРЫ БОГОВ

— Путь Сотвара —

Паль Городенский

Игры богов. Путь Сотвара

<https://litres.ru/74518722>

SelfPub; 2026

Аннотация

Первый рассказ цикла. Миротворец Тавур прибывает в Южные Воды Единого Моря, на остров Инулим, чтобы исполнить волю Сотвара - Отца Старших Богов-Дивов и Хранителя варванских племён. Он знает путь, но не знает исхода: впереди кровь и смерть, а спасение одного человека может стоить ему собственной жизни. На острове, где власть держится на страхе, где рабов продают как товар, а толпа требует зрелищ, Тавуру предстоит пройти через смертельные испытания, чтобы выполнить то, что велели ему Дивы и попросили другие единоморские Боги.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Паль Городенский

Игры богов. Путь Сотвара

Глава

Эта лодка появилась у берегов Инулима в десятый день потеплений, накануне празднования Дня Двадцатого, когда сошёл лёд, оттремели первые шторма, и все единоморцы уже начинали забывать минувший сезон холодов. Она шла с севера, со стороны могучего Аллиатского архипелага, откуда часто приносило в эти места проливные дожди. Но сегодня на горизонте было спокойно – ни одной тучки, море не штормило, и этот одинокий челнок просматривался хорошо. Он подходил к острову напористо, в полный парус красного цвета, привлекая к себе внимание зрителя на маяке.

Молодой страж инулимской вигилии с любопытством разглядывал это судно в огромную увеличительную трубу. Она покачивалась на цепях по центру смотровой площадки и могла поворачиваться во все стороны света для своевременного обнаружения пиратов, может быть, вражеского флота или прибывающих кораблей очень важных персон, о которых стоило бы предупредить префектория острова. Однако зрителя в данный момент интересовала лишь эта небольшая лодка. Высокие изогнутые штевни, местами украшен-

ные искусной резьбой, длинная мачта с прямоугольным парусом на рее, исписанные замысловатым орнаментом борта – молодой страж не верил своим глазам. К берегам Инулима неслась настоящая лодка северян.

Их корабли нельзя спутать ни с чем. Всем и каждому было известно, что лишь дагатские корабельщики спускали на воду самые лучшие суда во всём Едином Море: небольшие и быстроходные снаббы, для управления которыми требовалась всего одна пара рук; широкие торговые когги, способные перевозить тяжёлые грузы; а также длинные и узкие боевые манскипы с резными головами различных обитателей Северных Вод, вмещающие на борту не меньше сотни воинов-гребцов. Смотритель нисколько не сомневался – к острову подходил дагатский снабб.

Удивление молодого вигилийца было оправданно. На единоморском юге, тем более в самом далёком уголке Реонской империи, такие суда почти не появлялись. Неужели дагатские послы всё же решили посетить Инулим? Но эта лодка направлялась не в Белую Гавань, куда заходили корабли знатных единоморцев. Небольшой дагатский снабб взял курс к Западному Береговому Рынку, где всё уже давно насквозь пропахло морем, тавернами и торговыми лавками.

Десятый день сезона потеплений стремительно подходил к концу. Солнце касалось далёкого Бесконечного Океана, и многие пристани рынка уже закрывались, за исключением увеселительных заведений, что неустанно принимали гостей

от заката до рассвета, а порой и вовсе без остановок.

Здесь их было в изобилии: разнообразные вывески, шумные посетители и всевозможные работники причалов, зазывающие морских путников к себе на швартовку. Снабб причалил к одному из таких пирсов.

Это была прибрежная таверна Веспариана, стоящая на крепких каменных сваях прямо над водой. У пристани едва нашлось свободное место – сегодня здесь намечался особый вечер.

Из судна вышел человек в длинной накидке с капюшоном, скрывающим его лицо. Немного постояв и оглядевшись, он бросил смуглому причальному несколько медяков за работу и неторопливо направился в заведение.

У дверей таверны его встретил одинокий охранник. На нём была амуниция преимущественно тёмных расцветок, которую носили исключительно стражи имперских вигий: бронзовый реонский шлем с маской, сильно напоминающей человеческое лицо; кожаный доспех «норика сегменталия»; короткий суконный плащ; на поясе – кинжал «пагио»; в руках – небольшое копье «пилиум». Страж не произнёс ни единого слова. Он преградил путь незнакомцу, но, когда тот показал ему миниатюрную золотую статуэтку какого-то толстяка с кудрявой головой, тут же пропустил.

Таверна была уже битком. В углу играли музыканты, за столами шумели посетители, по гостевому залу суетились подавальщицы. Судя по внешнему виду гуляк и убранству

помещения, это место уж точно не предназначалось для тех, кто привык экономить. Об этом говорило всё: дорогие одеяния гостей, деликатесы в тарелках, стены в росписи, скульптуры из белого камня по углам. Однако первым признаком того, что таверна Веспариана являлась непростым заведением, было всё же наличие здесь серьёзной охраны.

Если снаружи незнакомца встретил обычный вигилиец, входящий в состав городской стражи, то внутри таверны уже находились легионеры инулимской когорты: одинаковые реонские шлемы с открытыми лицами и короткими назатыльниками; железные пластинчатые доспехи норика сегменталия; короткие суконные плащи тёмно-красного цвета; на груди – медальоны с двумя чеканными «имперскими ладонями», показывающими номер провинции внутри «инулимского венца»: на левой руке – один палец, на правой – три. Это означало реонскую провинцию Генезия, тринадцатую административную единицу государства. А венок из «описов» считался знаком Инулима: длинные водоросли с продолговатыми острыми листьями на трёх тонких стебельках сплетались между собой, образуя круглый венок.

Все легионеры были вооружены так, как велят строгие уставы в мирное время: без громадных щитов «скувусов», без коротких копий пилиумов - лишь кинжалы пагио свисали у каждого с правой стороны пояса, аккуратно по соседству с коротким клинком «гладиумом».

Скрипнув дверью, незнакомец прошёл к свободному сто-

лу у дальней стены таверны. Уселся в ожидании подавальщицы.

– Чего желаете? – возле него появилась улыбчивая пышногрудая девица.

Она говорила на чистом таликанском наречии. Однако черты лица и тёмные кудрявые волосы говорили о том, что эта женщина определённо имела алиатские корни.

– Крепчака, — ответил незнакомец на том самом диалекте, который использовала исключительно имперская знать.

Подавальщица нахмурилась и обвела посетителя взглядом, от любопытства приоткрыв рот: мокрые высокие сапоги, влажная суконная накидка, сырые кожаные перчатки, лицо скрывает капюшон – никаких явных признаков реонских благородных кровей.

— А поесть принести чего-нибудь? — продолжала улыбаться подавальщица на всякий случай. — У нас делают отменный рыбник. Из жёлтого налима. Он водится далеко отсюда, у Южных Пределов Единого Моря. Господин Мерокл всех угощает.

По движению плеч было понятно, что человек в капюшоне тяжело вздохнул. Он немного помолчал, а потом спокойным голосом повторил свой заказ на том же языке:

– Самого жгучего крепчака принеси.

Девица недовольно хмыкнула и уже собиралась уходить, как вдруг незнакомец схватил её за руку. Та от неожиданности даже ойкнула.

— Не бойся. Скажи, достопочтенный Мерокл уже здесь?

— О, нет, — тут же ответила женщина. — Но скоро будет. Он никогда не пропускает этот вечер.

Спустя какое-то время незнакомец уже неторопливо потягивал жгучую выпивку. Ни с кем не разговаривал, по сторонам не смотрел, даже капюшон снимать не стал, будто уходить собирался скоро. Однако продолжал сидеть почти неподвижно, словно погружаясь в гуляющую суету шумной таверны.

На самом деле так и было. Этот человек и вправду слушал все разговоры, что витали вокруг. За одним соседним столом всё время спорили, за другим громко смеялись и шутили, чуть дальше пьяный голос постоянно выкрикивал оскорбления в адрес подавальщиц.

В этом заведении звучали разные языки Единого Моря. Слышались реонские диалекты, тягучие таликанские наречия, мелодичный аллиатский, шумели грубые себекатские говоры, как и шипящие халифанские. Кто здесь только не находился. Можно даже было подумать, будто сегодня у Веспариана собралось подавляющее большинство представителей южных народов. И совершенно разные языки никому не мешали. В таверне все понимали друг друга без необходимости знать наречия своих собеседников.

Самой обсуждаемой темой здесь был наступающий Двадцатый День — один из всеобщих единоморских праздников, когда вступал в свои права долгожданный сезон потеп-

лений, наконец пробуждалось Единое Море, наступал новый круговорот от Великого Пришествия Богов, а на Инулиме начиналась традиционная суэта. Кстати говоря, благодаря именно ей жители данной суши кормили себя уже на протяжении многих круговоротов.

Всё дело в расположении острова. Инулим находился прямо на слиянии сразу нескольких торговых путей. Они начинались далеко на юге, в четырёх провинциях Реонской империи, и тянулись через эти места до ближайшего острова Аллиатского архипелага, что на всех картах именовался как Микенат. Словом, здешние воды полнились морскими путниками.

Но так было не всегда. Во времена кровопролитных войн Реоны с Аллиатией по причине господства в Таликанских водах эта одинокая суша на самом краю империи никого не интересовала. Никто к её берегам не причаливал, а если мимо и проплывал, то старался держаться подальше, ибо слухи ходили разные, здешние места считались недружелюбными, а само название Инулим, что с реонского означает «беспольный», говорило само за себя.

Тогда здесь могли обитать разве что беглецы, пираты, преступники. Но после завершения «Долгой Вражды Двух Народов», когда таликанское государство было окончательно поглощено Реоной, а их столица Хамилгат разрушена до основания, через эти места легли крупные торговые пути, и... на остров потянулись все.

Если бы не такое удачное стечение обстоятельств, а может быть, даже и воля самих Богов, то на инулимской суше вряд ли кто-нибудь смог бы жить долго

Беспользый остров был непригодным для людей: почва не приносила плоды, зверье не водилось даже до вырубкн здесь лесов, а рыболовный промысел в здешних водах просто-напросто невозможен из-за обилия в них жгучих, ядовитых водорослей «описов». Иначе говоря, рыбы здесь нет. На Инулиме вообще ничего нет, если, конечно, несправедливо помалкивать о местных развлечениях.

А вот подобного в нынешние времена тут было хоть отбавляй. Всякого и разного. Можно купить всё, что угодно, отдохнуть, как захочется, вдоволь повеселиться, с головой окунуться в беспробудный мир пьянства, музыки и женской ласки. Другими словами, данная суша была не из тех обитаемых земель Единого Моря, где жили тяжким крестьянским трудом.

Но Инулимцы всё же кое-что добывали у своих берегов – «описы». Из этих жгучих, ядовитых водорослей красного цвета, которые могут убить любое живое существо, если к ним прикоснуться без защиты до полного их высыхания, они научились делать пьянящие напитки разной крепости, всевозможные лекарственные настои и всякой тяжести дурмана курительные зелья.

Все это в Реонской империи было очень популярно, да и жители других стран подобным тоже не брезговали. И та-

кие товары развозили по всем единоморским водам именно отсюда, с этого небольшого «бесполезного острова». Однако чем дальше шли товары, тем сильнее падало их качество, и чтобы не покупать те же курительные зелья с примесью обычных сорняков с любой суши, лучше всего было посещать Инулим самому, чем многие гуляки и занимались, как только сходил лёд. Иначе говоря, кто сюда накануне Двадцатого Дня потеплений только не приплывал. Разве что дагаты не появлялись, а зря, ибо любой, кто хотя бы один раз посещал это место, прекрасно знал, что здесь можно забыть абсолютно все свои проблемы. Правда, после такого временно-го, до предела пьянящего забвения многие сгорали от стыда. Популярное среди гуляк выражение «Даже Боги не расскажу то, что было на Инулиме» появилось неспроста. Другими словами, сюда приплывали закупиться необычными товарами, а если намечался праздник, особенно всеобщий, тем более Новый Круговорот, – развлечься основательно.

Двадцатый День Потеплений, согласно всем традициям империи, здесь всегда встречали рано утром в Общем Храме: смотрели, как жрецы совершали свои нудные обряды, разумеется «в честь реонских Богов», а потом шагали большим шествием на восточное побережье острова, до самых ворот резиденции местной власти. И когда её представитель, в лице президия Мариуса Пронтия, заканчивал свою долгую и никому ненужную речь, везде начинались пиры с песнями и плясками. Однако, судя по разговорам посетителей тавер-

ны, в этот раз праздник намечался громкий. Семья Пронтиев, которая правила здешними водами уже не первое десятикруговоротье, собиралась открыть на острове единственную арену, возведённую за счёт семейной казны, в честь наступающего девятьсот третьего круговорота, конечно же от Великого Пришествия Богов.

Это было ещё одно обсуждаемое событие, по теме которого в таверне витало огромное количество слухов. Кто-то говорил, что на церемонию открытия арены потрачено ещё больше, чем на её строительство, одни утверждали, будто Инулим в Двадцатый День посетит немало реонской знати, другие утверждали, будто на представление привезут много знаменитых виктимионов. Но в заведении были и те, кто во всём этом сомневался. По их словам, у местного президия едва ли получится организовать достойное открытие именно в тот день, который празднуется в Едином Море абсолютно везде. В Реоне имелись распорядители игр куда богаче, нежели семья Пронтиев, в империи есть города поважнее, а земли – гораздо больше, в отличие от какого-то острова на самом краю государства. Самые лучшие школы виктимионов, наверняка, уже расхватили другие, как, впрочем, и всех остальных. Но всё равно открытие арены, так или иначе, здесь ждали с нетерпением.

Однако будущие представления, по слухам, были доступны не всем. Многие говорили, что вход на арену стоил целое состояние. Желаеть наслаждаться зрелищем в первых рядах,

на подушках и под навесами — плати увесистую мошну золотых монет. Жадничаешь, но такое событие всё равно не собираешься пропустить — придётся, взамен на добротный кошель серебра, довольствоваться холодными ступенями в середине трибун. Хочешь пройти, но нет ни того ни другого — отдавай тогда мешок медяков и стой среди потной толпы где-то на дальних рядах под открытым небом. Похоже, семья президия решила за один день вернуть в личную казну все потраченные средства.

Но многих это не останавливало. В окрестностях данного заведения, да и всего Инулима в целом, обладателей такого количества монет более чем хватало. Этот остров всегда полнился единоморцами с тяжёлыми кошельками. И многие из них сегодня были здесь, в прибрежной таверне Веспариана.

Собрать в одном месте инулимских богачей в этот день мог только знаменитый торговец по имени Мерокл. Его знали, если не все, то многие в Реонской империи, да и не только. Свои дела он вёл по всему Единому Морю. Но каждый раз, на закате Десятого Дня сезона потеплений, этот известный торговец появлялся на Инулиме, дабы устроить свою знаменитую распродажу, куда могли попасть только владельцы его именной статуэтки.

Таверна Веспариана была традиционным местом для этого. Здесь Мерокла ждали с нетерпением. Именно отсюда он начинал свои деловые странствия по миру, как только сходил лёд, и в знак такого события всегда привозил товар на

распродажу по весьма привлекательным ценам.

Никто достоверно не знал, почему торговец устраивал это мероприятие именно на Бесплезном Острове. Однако поговаривали, будто он водил давнюю дружбу со многими инулимскими богатеями, а с местной властью даже имел какую-то родственную связь. Отсюда и место для торгов, и легионеры в таверне.

Вдруг на улице послышались сперва громкие шаги, а затем открылась дверь. Первым в таверну вошёл седовласый мужчина в длинной тунике на реонский манер. Это был хозяин заведения Веспариан. Одежды, разумеется, дорогие – украшенные позолоченной тесьмой, однако зелёный цвет суконной «тоги» – широкой полосы ткани, которая была перекинута через его левое плечо, – говорил, что он являлся обычным гражданином Реоны и не представлял ни один из благородных домов империи.

За ним сразу же протиснулся светловолосый здоровяк. В одной руке тот держал табурет, украшенный драгоценными камнями, и выглядел настолько крупным, что его кольчуга, надетая поверх кожаной рубахи, казалась уж слишком маловатой. Несложно было догадаться происхождение этого человека. Он явно был рождён на единоморском севере. Длинные волосы заплетены в одну большую косу, как и его борода; на правом запястье блестел золотой браслет с головами океанского выюна, на груди болтался серебряный медальон в виде кузнечного молота Донага – дагатского громовержца и

хозяина северного неба. С правой стороны у светловолосого висел в ножнах через плечо широкий меч, который всем своим видом показывал, что был рождён в кузницах далёкого севера.

Здоровяк остановился у входа, пробежал глазами по гостевому залу, что-то шепнул Веспариану. Хозяин таверны тут же кивнул музыкантам. Те послушно замолчали. Следом затихли посетители.

— Уважаемые гости! — вдруг он заговорил, расплываясь в улыбке. — Встречайте, господин... Мерокл!

Торговец вошёл под бурные аплодисменты. Шёлковый кафтан по гаунской моде, широкие халифанские штаны с позолоченной вышивкой, вельтские тиснёные сапоги, тяжёлый кошелёк на реонском поясе, рядом – фрагелонский кинжал с красивой позолоченной рукояткой. Мерокл выглядел точно так же, как на своей именной статуэтке: прямая форма лба, плавно переходящая в линию носа, толстоватое телосложение, невысокий рост, сильно кудрявая голова. Даже наряды всяческих единоморских народов не могли скрыть его истинное происхождение. Торговец был типичным аллиатом – представителем того самого народа, который с незапамятных времён жил к северу от Инулима, где что ни остров – то независимый город со своей исполнительной властью «полисарами» и правителем «царесом».

Аллиатия никогда не входила в состав Реонской империи, всегда была независимым государством. Однако после «Дол-

гой Вражды Двух Народов» у этих стран сложились вполне добрососедские отношения, нерушимые военные союзы, торговые и даже родственные связи.

Улыбаясь, Мерокл прошёл в центр гостевого зала, приветствуя жестами всех собравшихся. За ним шагнули здоровяк и Веспариан. Хозяин таверны сразу же скрылся в подсобном помещении, а светловолосый телохранитель встал позади своего господина, продолжая бросать внимательные взгляды на собравшихся.

— Дорогие друзья, — начал торговец на аллиатском языке, — я несказанно рад вас снова видеть. Многие ничуть не изменились за сезон холодов. Даже вы, distinguished Рибий. Как поживаете? Мужа своей миленькой сестрёнке ещё не нашли?

Все в таверне сразу же рассмеялись, поглядывая туда, где в дорогих реонских одеяниях сидел лысоватый мужчина с молодой девицей очень крупных размеров.

— Не отчаивайтесь, дорогой друг, всё у вас получится. Может быть, даже прямо сегодня, — продолжал улыбаться коротышка. — О, уважаемый Готис, и вы здесь? — обратил он внимание на рослого человека в аллиатских одеждах, который брезгливо трогал кусок мяса жёлтого налима, словно боясь запачкать не то свои белоснежные пальцы, не то золотые перстни на них. — Не утруждайтесь, distinguished, для этого нужны слуги.

Все снова рассмеялись.

— Давай уже, начинай! — кто-то выкрикнул из гостей на себеканском наречии.

— Да-да, знаю. Сегодня вы собрались не ради выпивки и еды... которую, кстати говоря, я Веспариану уже оплатил, — снова пошутил коротышка, а потом, выдержав долгую паузу, громко хлопнул в свои толстенные ладоши — началось.

Заиграли музыканты, зашумели посетители, некоторые даже продвинулись вперёд.

Через мгновение в таверну зашли два легионера с длинной цепью в руках. Они вели за собой рабов. Немного - всего пятерых, однако все они были на привязи, словно какие-то опасные животные: руки в оковах, у всех железные ошейники, на груди каждого болталась восковая табличка с указанием возраста и происхождения.

Следом в заведение вошёл тот самый охранник в шлеме с маской в виде человеческого лица. вигилиец остановился у двери, облокотив о стену своё копьё, а дагатский здоровяк поставил украшенный самоцветами стул в центре гостевого зала и, наклонившись, подал колено своему господину. Мерокл, долго не думая, взошёл на табурет — начались торги.

Первого раба купил почтенный Готис — аллиатский чиновник, который заседал в «полисариате» одного из островов своего архипелага. Его покупкой была смуглая высокая девушка, рождённая на жарких островах Себекана, среди громадных пирамид и песчаных дюн, где в последние времена слишком часто вспыхивали различные хвори. Работор-

говец по этой причине даже немного сбросил цену, чтобы покупатель забыл о таких деталях, а потом выдал шутку, будто полисару теперь не придётся пачкать свои нежные пальцы мерзким жирным мясом – всё подаст новое приобретение.

Второй раб достался реонцу Ребию, владельцу нескольких торговых лавок на Восточном Рынке Инулима. Он купил темнокожего мужчину, происхождение которого было слишком очевидно: родиной того, наверняка, являлся Тумидийский архипелаг, покорённый империей много стокруговоротий назад.

Торговец выручил за него солидный вес серебряных монет, чему был несказанно рад, снова выдав порцию сарказма, словно этот мускулистый раб – отличный вариант для крупной сестры Ребия.

Ещё двух приобрела богатенькая халифанская дама, с лица которой всё время не сходила похотливая улыбка. Она купила двух симпатичных юношей, удивительно похожих друг на друга. Мерокл назвал их родными братьями, а потом долго уверял покупателя, будто эти таликанцы не знают никакой усталости и готовы трудиться ночи напролёт. Халифанская женщина осталась довольна, хорошенько осмотрев покупку вблизи.

А вот последнего раба никто не хотел покупать. Это был неестественно худой и бледный старик, судя по табличке – рождённый где-то в Центральных Водах Единого Моря. Один только вид говорил о том, что скоро ему придётся по-

кинуть этот мир: сильно выступающие рёбра, впалый живот, мешки под глазами, взгляд в пустоту. Как ни старался Мерокл продать его, ничего не выходило. Никто не желал отдавать за этого дряхлого раба даже несколько серебряных монет, не говоря уже про золотые.

И тогда коротышка сдался.

— Достопочтенные, всего десять с половиной медяков! Этот старик просто с виду кажется хилым. Уверяю, он всех нас переживёт. Поговаривают, что его хранят родные Боги. А самое главное — этот раб не болтает. Он лишён возможности говорить и почти ничего не ест. От вас не потребуется больших затрат. Отдаю почти за бесценок. Ну?! Решайте!

Но гости только отмахивались.

— Смелее, друзья, смелее! Ну? Кто же!

— Я! — вдруг послышалось по ту сторону гостевого зала.

В таверне повисла тишина.

Все закрутили головами, даже музыканты перестали играть.

У работорговца от радости дёрнулся глаз. Он вытянулся во весь свой маленький рост, пытаясь взглядом найти удачу.

— Кто ты? Где ты, счастливый покупатель? Я не вижу тебя. Покажись!

Вдруг послышался скрип деревянного стула, и у дальней стены помещения поднялся незнакомец в капюшоне.

Все тут же зашептались.

А тот взял кружку своей выпивки и неторопливо пошёл в

сторону Мерокла.

— Очень верное решение! — загомонил тот. — Очень выгодное решение. Для вас выгодное, достопочтенный! Никак иначе!

Коротышка едва заметно кивнул своему телохранителю, чтобы тот, пока сделка не сорвалась, как можно скорее отвёл последнего раба к покупателю. Но незнакомец продолжал идти сам.

Весь гостевой зал провожал его взглядами. Многие посмеивались над неудачным, даже глупым решением купить дряхлого, немного раба.

Когда человек приблизился к этому старику, телохранитель Мерокла преградил ему путь.

Незнакомец остановился, пальцы в мокрой перчатке сжали деревянную кружку сильнее. А светловолосый дагат не медлил: он протянул ему свою руку, ожидая оплаты, однако, посмотрев на лицо во мраке капюшона, тут же побледнел.

— Беги, — незнакомец внезапно прошипел тощему старику и резко плеснул в лицо северянина остатки своей выпивки.

Он заказал её неспроста. Инулимский крепчак, который делали из ядовитых описов, был настолько жгучим, что на время мог ослепить человека, если попадёт в глаза.

Угодил куда нужно. Здоровяк попятился, потирая лицо руками.

В это время незнакомец рванул к вигилийцу, стоящему у

двери. Он тут же начал бить кулаком того прямо в бронзовую маску. От сильных ударов лицо стража будто вминалось в голову вместе с ней. Слышался треск черепа, брызгами разлеталась кровь. Всё произошло так быстро, что остальные легионеры спохватились только тогда, когда страж замертво рухнул на пол. А незнакомец уже отходил назад, одним махом сбрасывая с плеч свою длинную накидку.

Посетители смотрели на него с ужасом. Это был крепкий бледнокожий мужчина с многочисленными шрамами на лице. Длинные волосы собраны в пучок на затылке, наголо выбриты подбородок и виски, над левым ухом виднелось родимое пятно в виде круга, разделённого на восемь равных частей.

Все, кто узнал этот символ, в страхе начали разбегаться. А незнакомец по-прежнему отступал назад. На нём была потёртая кожаная рубаха, подпоясанная тонким гаунским ремешком, узкие стёганные штаны, которые носили вельтские воины; через плечо болталась кожаная сумка с бронзовыми застёжками. В набедренном чехле, который висел с правой стороны, виднелась костяная рукоятка боевого ножа, покрытая многочисленными дагатскими символами. В руках незнакомец держал короткий однолезвийный меч.

Любой, кто хотя бы немного понимал в единоморском оружии, без труда смог бы угадать, какой именно народ использовал подобные клинки. Бледнокожий сжимал рукоятку простого меча без украшений, который явно был создан на

Варванском Мелководье исключительно для войны, а не демонстрации высокого статуса. Заточка только с одной стороны, широкий дол почти до самого кончика, прямоугольное железное перекрестье и противовес были изогнуты в противоположные друг от друга стороны.

На единоморском юге никто не носил подобное оружие – и уж тем более так, как этот незнакомец. Ножны клинка болтались за его спиной так, что отверстие для меча было опущено вниз, точно под правую руку. Это позволяло носить оружие скрытно под суконной накидкой и быстро доставать его одной рукой без особого труда.

Мерокла от увиденного перекосило. С открытым ртом он пошёл назад, однако, ничего не нащупав за табуретом, с грохотом повалился. Легионеры уже обходили бледнокожего с боков: двое справа, один слева. Не раздумывая, незнакомец рванул на того, что был в одиночестве, и, резко уклонившись от гладиума, который уже летел ему прямо в голову, точно полоснул реонца между подбородочным ремешком шлема и воротником нагрудника. Тот сразу же упал на колени, хватаясь за горло, заливая своей кровью собственные доспехи.

Другие уже неслись на бледнокожего. Началась полная неразбериха: крики посетителей, вопли легионеров, брызги выпивки вперемешку с кровью. Слышался треск костей, звенела посуда, гремели перевёрнутые столы. Гости разбегались кто куда. Не было здесь уже и немного старика, которого пытался продать работорговец – тот сбежал сразу, как только

представилась возможность.

Светловолосый дагат, наконец, прозрел. Незнакомец стоял к нему спиной в нескольких шагах, дорезая последнего легионера. Здоровяк тут же выхватил из ножен свой широкий меч и что есть силы побежал на него.

Словно почувствовав опасность затылком, бледнокожий внезапно отскочил в сторону, едва заметно блеснув оружием... и телохранитель остановился. Он с ужасом глянул себе под ноги: там валялась его рука, продолжающая сжимать деревянную рукоятку оружия. Вдруг короткий однолезвийный клинок в темноте сверкнул снова, и обезглавленное тело дагата с грохотом рухнуло на пол.

Незнакомец стоял во мраке почти неподвижно. Его глаза бегали по гостевому залу, слышалось тяжёлое дыхание.

Таверну словно поглощала тишина.

— Брось! Брось меч! – вдруг прозвучало сбоку.

Бледнокожий медленно обернулся и увидел, что это говорил работоровец. Тот находился в дальнем углу, прикрываясь пышногрудой подавальщицей, приставив к её горлу свой позолоченный кинжал. Испуганные глаза Мерокла поглядывали то на незнакомца, то на своего телохранителя, голова которого лежала немного дальше от тела.

— Не подходи! Не подходи, тварь! Ты как здесь оказался?! Как?! Отвечай!

Но бледнокожий молчал. Он просто стоял и смотрел на него сосредоточенным взглядом. Время словно потихоньку

замедлялось, куда-то исчезал звук, точно струна от напряжения дрожало пространство.

Незнакомец прищурился, не упуская ни одного движения коротышки, даже самого незначительного. Работорговец дёргался перед ним, угрожая убить подавальщицу; из подсобного помещения выглядывал Веспариан, в ближайшем окне виднелось, как несколько посетителей с криками убежали вдаль.

Бледнокожий медленно опустил правую руку, оставив меч в левой, и время, наконец, будто остановилось.

Никто не заметил его резкого движения. Все услышали только свист в воздухе. А в это время в таверну уже врывалась береговая стража.

вигилийцы остановились на пороге; в глазницах их нащёпленных масок бегали испуганные глаза.

Зрелище было кровавым. Возле прилавка валялся работорговец с торчащей во лбу какой-то рукояткой, с визгом в сторону уползала пышногрудая девица, попадая руками в лужи крови и задевая ногами валявшиеся на полу части внутренностей; из-за всяких укрытий выглядывали гости таверны, не успевшие сбежать. А посреди изрубленных тел стоял какой-то бледнокожий человек с пучком волос на затылке, сжимая в левой руке варванский окровавленный меч, опустив правую к набедренному чехлу, где совсем недавно находился боевой нож.

Каждый раз, когда разум проваливался в бесконечную темноту, бледнокожий видел своё прошлое, пропитанное запахом смерти, окутанное ледяным страхом, с головы до ног омытое кровью. Вся его жизнь пребывала во тьме. И этот холодный, не имеющий конца мрак шел за ним по пятам с самого рождения, будто проклятье, а не милость Богов.

Тех воспоминаний, которые могли бы разогнать эту бездонную черноту, просто не существовало. Она уже давно обитала у него внутри, и всегда вырывалась на свободу, стоило лишь шагнуть по ту сторону настоящего. Вот и сейчас, бледнокожий стоял во мраке, глядя в темноту.

Не было ни единого звука. Пространство все равно что переливалось густым туманом, а повсюду летали маленькие раскаленные угольки, словно где-то в глубине пылали невиданные пожары. Он знал это место. Бледнокожий всегда оказывался здесь, как только его сознание предательски ускользало, дабы снова принести воспоминания.

В этот раз перед ним появились события недалекого прошлого. Он увидел самого себя сидящего у костра в полном одиночестве, едва слышно напевающего какую-то песнь, глядя, как раскаленные языки пламени с неистовой жадностью пожирали дрова. Вокруг не было никого. Темный лес молчал за его спиной, вода еле слышно омывала обрывистый берег, а посреди мерцающих звезд висела красноватая полная луна.

Именно в ту ночь он впервые увидел Его — седовласо-

го старца, в ослепительно белоснежных одеждах, стоящего неподалеку во тьме ночного леса, опирающегося на ветвистый деревянный посох. Бледнокожий узнал его сразу. Это был молчаливый Сотвар — отец Старших Богов и хранитель варванских племен, который не проронил ни единого слова с первых дней Великого Пришествия, ибо своё молчание он обязан нарушить только в самом Конце Времен.

Когда бледнокожий его увидел, то сразу перестал напевать свою песню. Мужчина смотрел на старца, и все это время внутри ощущал тревогу. Нет, он не испугался своего Молчаливого Бога. Поводов для гнева быть не могло, ибо всю свою жизнь, с самого рождения, этот человек служил своим Творцам вопреки всему. В те мгновения он искренне боялся совершенно другого, будто именно сейчас пришла пора Сотвару заговорить, дабы началась гибель всего мира. Однако предшествующий этому событию звук рога варванского громовержца Даврона, молчал. Как и старец. Тот по-прежнему стоял во мраке леса, не отводя своих глаз от сидящего у костра.

— Не бойся, Тавур. Время моего голоса ещё не пришло, — вдруг словно эхом прозвучало в голове бледнокожего, но губы Сотвара даже не шевельнулись.

Это был родной язык сидящего у костра, то самое наречие небольшого племени с центра Варванского Мелководья, которое за время своих странствий он слышал не часто. Тавур прекрасно понимал, что его Боги владели диалектами всех

родных племен, однако с ним всегда разговаривали, как его сородичи — на ятвинском.

— Что это за песня, которую ты только что напевал? — снова прозвучали мысли старца.

Сидящему у костра тоже не пришлось говорить. Ему вполне было достаточно подумать, как его голос тут же озвучило эхо в голове.

— Я услышал её от своей наставницы по целительству. Когда ещё был ребенком.

Молчаливый Бог покачал головой, будто вспомнил что-то печальное, тяжело вздохнул.

— Это... грустная песня... — опять послышалось в голове бледнокожего.

— Да, старая Вейза её напевала каждый раз, когда вспоминала своего сына, — отвечали мысли ятвина, а сам он продолжал смотреть на старца, прищурив глаза, — Наставница говорила... он погиб совсем маленьким. Его сразил мор, когда на западе Мелководья разразилась «черная хворь».

— Прости нас, Тавур, — вдруг он услышал мысли Сотвара, и поднял брови, явно его не понимая.

— За что, и... кого это, вас?

Молчаливый Бог снова тяжело вздохнул.

— Всех своих Творцов прости. За то, что мы отобрали у тебя человеческую свободу. Лишили выбора, и любых надежд на обычную жизнь смертного. Прости за то, что поставили на тебя метку миротворца. Прости за то, что призвали

служить нам до конца твоих дней. За то, что тебе приходилось делать по нашей воли. И за то прости, что ещё придется сделать.

Слушая мысли седовласого старца, Тавур не отводил от него глаз.

— Я не понимаю тебя, Сотвар, — нахмурился он.

А тот улыбнулся и посмотрел на звездное небо.

— Знаешь, миротворец, люди редко понимают Богов. Даже когда их слышат.

От этих мыслей на лице Тавура тоже появилась улыбка.

— Как же вас понять, если вы молчите, а если говорите, то всегда загадками? За свою жизнь я видел много Богов. С каждым из них беседовал, и все они всегда что-то недоговаривали.

Сидящий у костра не лукавил. Он и вправду встречался со многими варванскими Творцами. Он даже видел Богов и других единоморских народов, искусно спутывал их планы, до основания разрушал помыслы, даже умудрялся оставаться в живых после встречи с чужими миротворцами, гораздо сильнее его. С самого детства этого бледнокожего ятвина окружали в большей степени Боги, нежели простые смертные. Но Сотвар к нему явился впервые.

Это явно что-то значило, что-то очень важное, ибо Хранитель Родных Племен, как думалось ятвину, не может почитать своим присутствием обычного миротворца, уж точно не самого лучшего из варванских.

Старец вдруг шагнул из мрака и неторопливо направился к костру. Тавур по-прежнему не отводил от него глаз. Даже если бы кто-то из коварных чужих Богов сейчас пытался его обмануть, выдавая себя за Сотвара, бледнокожий понял бы это сразу. Ни одна иллюзия не может создать то, что он видел в эти мгновения. К нему шагал и вправду Молчаливый Бог. Длинные белоснежные одежды, едва прикрывающие босые ноги, седые волосы касались плеч, борода свисала почти до пояса. Поверх нее, прямо на груди старца блеснул золотой медальон, в виде точно такого же родимого пятна, что виднелся на выбритом виске миротворца, а морщинистая рука Бога сжимала тот самый деревянный посох, который невозможно подделать никакими чарами. На нем находились маленькие веточки, число которых было ровно по количеству живущих ныне варванских племен. Каждая из них представляла племенное древо. Виднелась веточка сосны, рядом покачивалась еловая, с одной стороны шелестела листьями береза, клонила ива с другой. На этом посохе были разные породы. Тавур даже заметил ветвь и своего племени — дубовую.

Когда старец приблизился к миротворцу, стало понятно, что он был, как и все единоморские Боги — могучим существом, в несколько раз выше человека. Тот уселся напротив бледнокожего, и поднес руки к костру, прямо в яркое пламя, потирая в нем свои крупные морщинистые ладони, словно их там умывая.

— Ты должен отправиться далеко на юг... — звучали мысли Бога в голове Тавура, а в взгляд его будто пронизывал человека насквозь, — Наступают непростые времена, миротворец, и мы должны к ним подготовиться. У тебя начинается тяжёлый путь.

Услышав это, бледнокожий посмотрел на него с прищуром.

— А разве до этого было как-то иначе? Я уже много круговоротов служу вам, выполняю все ваши поручения, разной важности, всякой величины, и... нередко слишком опасные. Неужели, тяжёлый путь у меня только начинается?

— Мы не можем вмешиваться в дела чужих Богов. Это «Закон Долгого Мира», и он нерушим, пока живёт Единое Море. Ты знаешь, только миротворцам позволено творить мир.

Тавур недовольно закивал, а потом эхо озвучило в его голове то, что он хотел сказать, — Миротворцы творят мир не по своей воле. Мы оружие в ваших руках, так что...

— Ты спасаешь свой народ, — мысли старца его вдруг перебили, — Да, все миротворцы действуют в интересах своих Богов, но их Боги, действуют в интересах своих созданий. Это фундамент «Закона Долгого Мира». Мы не можем вставать на пути чужих народов. Иначе Конец Времен наступит слишком быстро. Война Богов для людей окажется смертельной. Пусть лучше сражаются миротворцы. Те народы, которые продолжают до сих пор существовать, это ваша заслуга.

Мы боремся за существование людей, соперничаем между собой, чтобы наши народы не исчезли. Иначе... кто мы без своих созданий?

Бледнокожий молчал, а мысли Сотвара продолжали звучать в его голове.

— И сейчас надвигаются страшные времена, Тавур. Если все задуманное нами не свершится, если варванские миротворцы падут, племена Мелководья исчезнут с лица Единого Моря. Вас поглотят единоморцы сильнее, а мы станем слугами их Богов. Такое случилось со многими народами и их Творцами. Такое случается прямо сейчас, но в будущем это будет происходить слишком часто, — старец наклонился ближе, в его глазах отражался огонь костра, — Мы не должны проиграть, Тавур. Отправляйся на юг.

Вдруг из костра вылетело множество искр, и сидящий у огня миротворец словно испарился, а тот, что стоял в глубине мрака, все это время, наблюдавший за своим воспоминанием, заметил, как Сотвар перевел на него взгляд и долго смотрел, продолжая умыть свои руки в пламени. В глазах Бога мелькали все деяния Тавура, предшествующие появлению его на Инулиме. Сперва он долго путешествовал к Южным Водам на своем маленьком снаббе, останавливался по пути на разных островах, расспрашивал мудрецов, платил монеты за нужные слухи, даже встретился с одним варванским миротворцем, с такой же отметиной, как у Тавура, только на подбородке. Тот рассказал ему, что побывал

на Бесплезном Острове по воле Богов, и все необходимое узнал: о людях, о традициях, а главное — о правителях. Затем ятвин видел, как воровал золотую статуэтку Мерокла. Вернее, это делали подкупленные им женщины, с которыми развлекался, погрязший в бесконечном блуде и пьянстве, женоподобный Герата — молодой царес альятского острова Микенат, и лучший друг работорговца. Все это мелькало в глазах Сотвара. Каждый шаг варвана, который приближал его к цели, там проскакивал. А потом он видел, как выходил из своей лодки на пристань Веспариана, однако все, что было дальше, увидеть не успел. Внезапно все растворилось, и остался лишь пронзительный взгляд Хранителя Варванских Племен, сидящего у костра. Молчаливый Бог ему одобрително кивнул, словно старый наставник своему лучшему ученику, как вдруг ледяной холод пронзил все тело ятвина, и густая темнота стала неожиданно растворяться. Понимались звуки, сквозь плавающее туманом пространство, стали показываться тусклые огни лампад на каменной стене.

Когда миротворец открыл глаза, то увидел перед собой какого-то смуглого толстяка. Стриженные слипшиеся волосы, довольное, блестящее от пота лицо, густые чёрные брови, горбатый нос, широкая улыбка всего с несколькими зубами. Тавур узнал этого человека только после того, как тот снова облил его ледяной водой. Это был надзиратель инулимской темницы. Толстяк опять улыбнулся, что-то промышчал, будто лишенный возможности говорить, отбросил в сторону вед-

ро.

Бледнокожий висел на цепях, абсолютно голый. Его длинные волосы были растрепаны, босые ноги едва касались земляного пола, посыпанного соломой. На лице Тавура просматривались свежие раны. В одной из них пряталось его родимое пятно миротворца, а на худощавом, жилистом теле виднелись шрамы разной давности и свежие кровоподтеки. Они скрывали рубцы заживших необычных травм, которые вряд ли можно назвать случайными. Это были многочисленные символы, напоминающие грамоту племен Варванского Мелководья, но вовсе не написанные или нанесенные «подкожной телописью», даже не нацарапанные. Все они были вырезанные когда-то.

Рукотворные, давно зажившие знаки виднелись повсюду: на руках, от локтей до запястий; просматривались на бедрах и коленях: были на груди, животе, боках, даже на спине.

На эти символы надзиратель указывал пальцем, мычал, с отвращением плевал под ноги, улыбался беззубой улыбкой. Толстяка определенно радовал измученный вид узника. Вдруг он снова что-то промычал и, что есть силы, ударил Тавура кулаком в лицо. Голова миротворца резко откинулась назад, тело вздрогнуло, звеня цепями. А потом надзиратель продолжил, и эхо понесло эти жуткие звуки избиений во все стороны мрачного подземелья.

Маленькие огоньки, что мерцали в грязных от копоти подвесных лампадах, темницу едва освещали. Она выглядела

огромной. Высокий потолок, ряды железных клеток, встро-
енные в каменные стены, по земляному полу бегали облез-
лые крысы, чувствовался резкий запах гнилой соломы.

Эти двое здесь находились одни. Все клетки до единой пу-
стовали. А жуткие звуки непрекращающихся избиений про-
должались. Толстяк не останавливался, мычал после каждой
серии ударов, словно их комментируя. Он так был увлечен
своей любимой работой, что даже не услышал, как хлопнула
скрипучая дверь наверху каменной лестницы, и не увидел,
как там показались бритоголовые люди в длинных одеяниях
красного цвета.

— Довольно! — вдруг закричал один из них на том самом
реонском диалекте, что являлся вторым по популярности в
империи.

Надзиратель бросил туда испуганный взгляд, опуская ру-
ки. Лицо ещё больше мокрое от пота, костяшки пальцев раз-
биты в кровь.

— Гимилькон, таликанское ты отродье! — снова тот же
голос, и кто-то по ступеням побежал вниз.

Когда он вышел на свет, то смуглый толстяк сразу же ви-
новато опустил голову. К нему шагал низкорослый реонец,
скрипя зубами от злости. На его голове совсем не было во-
лос, ни легкой щетины, даже брови отсутствовали.

— Тебе кто разрешил его калечить?! — говорил тот, за-
махиваясь, будто сейчас ударит надзирателя.

Может быть, в данный момент у Тавура и появилась бы

хоть какая-то надежда на спасение. Однако он прекрасно знал, что эти реонские жрецы не отпустят чужого миротворца, без попытки узнать о причинах его появления здесь.

— Тебе что было сказано?! — продолжал тот отчитывать толстяка, — Сначала мы должны поговорить с ним, сучья твоя голова! Он нам в сознании нужен! Потом уже будешь свои лапы распускать, вонючий таликанец!

После этих слов потный надзиратель упал на колени, и под крики низкорослого жреца уполз куда-то в темноту, послушно пропуская остальных бритоголовых, что уже обступали миротворца со всех сторон. Они с любопытством его разглядывали, смотрели на вырезанные когда-то символы, боясь прикоснуться к избитому телу. Некоторые бритоголовые все время что-то записывали на восковых табличках тоненькими палочками, другие смотрели какие-то рисунки в толстенных книгах, кивали головами, шептались между собой.

А Тавур молчал. Он прекрасно знал, что длинные красные одежды носили представители реонской Пантеоны, того самого закрытого жреческого братства, с которым считались многие в империи. По крайней мере, в столице уж точно. Однако брили свои тела везде и всюду, лишь «мирологи» — представители одного из пантеонских отделений, посвятившие свои жизни изучению единоморских народов, и Богов в том числе.

Разумеется, чужие миротворцы их тоже интересовали. Тавур даже попытался вспомнить, сколько раз подобные жрецы

у него хотели разузнать тайны Богов, но так и не смог, ибо странствует по воле Творцов уже давно, а звон цепей и запах собственной крови, стал ему, не иначе, как привычным делом.

С самого рождения, с появлением на свет ятвинского ребенка, у которого была отметина варванских Богов, угроза смерти, Тавура преследовала — чужим Творцам не нужны лишние препятствия, а их верные слуги всегда шли по пятам. Как и он сам. Однако если раньше он искренне боялся пыток, вернее, рассказать от боли свои намерения, то сейчас миротворец бросал на очередных желающих причинить ему страдания, абсолютно спокойные взгляды.

— Уважаемый Румелий, — вдруг заговорил миролог с большой книгой, обращаясь к низкорослому реонцу, что прогнал надзирателя, — Я считаю, этого варвана нужно отправить на дознание, и как можно скорее. Если в Пантеоне узнают, что на острове появился чужой миротворец...

— Полностью согласен с братом Ультианом, — послышался голос другого, — Мы разгневаем не только пантификиат в Пантеоне, но и наших Богов.

— Это ещё не все, — заговорил третий, разглядывая настенные символы Тавура, — Мы можем разгневать и наших миротворцев.

— И что ты предлагаешь, Капий?! — миролог с книгой повысил голос, — Оставить вмешательство варванских Богов в дела Реоны без нашего внимания?! В Пантеоне нам это-

го не простят!!

— Это дело реонских миротворцев! — тут же возразил Капий, — Они, наверняка, уже знают, что к нам пришел чужой. варван совершил своё деяние, значит, раскрыл своё присутствие здесь. Давайте оставим споры Богов их посланникам.

— Возмутительно! — повысил голос бритоголовый с книгой, и посмотрел на низкорослого, — Уважаемый Румелий, чужака нужно отправить на дознание! Вдруг он здесь по какому-то очень опасному для империи делу?! Посмотрите сколько на его теле резов! Он служит своим Богам явно не первый лень!

— Он ничего нам не скажет! — с улыбкой перебил его Капий, — Судя по этим же резам, этот миротворец уже давно вышел в мир! Попытки ему не чужды! Он будет молчать до самой смерти, — миролог посмотрел на низкорослого и сразу продолжил, — Уважаемый Румелий, нам нужно просто передать его реонским миротворцам. Это их дело. Зачем рисковать? Пусть чужак висит здесь, под присмотром Гимилькона. Если мы его отправим в комнату дознаний, вдруг его там убьют, или он сбежит?! Тогда никто не узнает, что задумали варванские Творцы. Великий миролог, давайте не будем рисковать и просто подождем посланников наших Богов.

Румелий стоял молча, глядя в глаза узника. Все ждали его решения. Может быть Великий миролог и заговорил бы вскоре, однако скрипучая дверь в темницу, которая снова

загремела на каменной лестнице, его явно отвлекла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.